

- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА-

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-1-134-138

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,

д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой частного права
Юридического факультета ФГБОУ ВО «Государственный
академический университет гуманитарных наук»,
e-mail: mail@law-books.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Статья рассматривает процесс трансформации рынка юридических услуг под влиянием технологической цифровизации. На основе анализа современных тенденций показано, что цифровая трансформация представляет собой системное переосмысление бизнес-моделей юридических фирм, внедрение искусственного интеллекта (ИИ), облачных технологий и автоматизации правовых процессов. Исследование выявляет основные драйверы трансформации, стратегические направления развития, проблемные аспекты в области нормативного регулирования.

Ключевые слова: юридические услуги, цифровая трансформация, LegalTech, искусственный интеллект, государственный сектор, электронный документооборот, проблемы правового регулирования.

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Private Law, Faculty of Law,
FSBEI HE "State Academic University of Humanities"

TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN LEGAL SERVICES MARKET IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. The article examines the process of transformation of the legal services market under the influence of technological digitalization. Based on the analysis of current trends, it is shown that digital transformation is a systemic rethinking of the business models of law firms, the introduction of artificial intelligence (AI), cloud technologies, and the automation of legal processes. The study identifies the main drivers of transformation, strategic areas of development, and problematic aspects in the field of regulatory regulation.

Key words: legal services, digital transformation, LegalTech, artificial intelligence, public sector, electronic document management, legal regulation issues.

Юридическая профессия на протяжении столетий характеризовалась консервативным подходом к нововведениям. Однако последние десятилетия ознаменовались фундаментальным сдвигом в отношении к технологиям в юридическом секторе. Это не просто вопрос внедрения новых технологий, но фундаментального переосмысления того, как юридические услуги создаются и потребляются [1].

Этот сдвиг вызван конвергенцией нескольких факторов: растущими ожиданиями клиентов, появлением инновационных LegalTech (LegalTech

— это современная концепция внедрения информационных технологий в юридическую практику; отрасль бизнеса, специализирующаяся на информационно-технологическом обслуживании профессиональной юридической деятельности) компаний, развитием искусственного интеллекта и растущей конкуренцией.

Цифровая трансформация в юридическом секторе выходит далеко за пределы простого внедрения новых программных инструментов. Согласно современным определениям, это стратегическая интеграция цифровых технологий во

все аспекты деятельности юридической фирмы, включая переосмысление рабочих процессов, моделей взаимодействия с клиентами, структуры бизнеса.

Появление LegalTech стартапов и независимых ALSP (Альтернативные поставщики юридических услуг (Alternative Legal Service Providers)) предлагает более доступные, специализированные и инновационные решения, напрямую конкурируя с традиционными юридическими фирмами.

Российский LegalTech-рынок прошел характерную эволюцию. До 2022 года рынок развивался в условиях интеграции с международными платформами и взаимодействия с иностранными компаниями. Однако уход крупных международных юридических фирм привел к фундаментальной перестройке рынка. Этот процесс, первоначально воспринимаемый как кризис, трансформировался в импортозамещение, которое эволюционировало в самостоятельное развитие отечественной экспертизы и инноваций.

Уникальная особенность российского рынка заключается в том, что государственный сектор, а не коммерческий сектор, выступает главным драйвером цифровизации. Федеральная налоговая служба (ФНС) лидирует в госсекторе по внедрению цифровых платформ, внедрив электронный документооборот и автоматизировав работу с отчетностью [2].

Эта инициатива государства создает как прямой спрос на LegalTech-решения для обслуживания государственных процессов, так и косвенный эффект — демонстрирует жизнеспособность и необходимость цифровизации для частного сектора.

Федеральный закон от 28 февраля 2025 года № 23-ФЗ, внес значительные изменения в Федеральный закон «О персональных данных» [3]. Поправки вступили в силу с 1 июля 2025 года и существенно ужесточили требования к локализации персональных данных граждан Российской Федерации. К ключевым изменениям можно отнести расширение круга субъектов: требования локализации теперь распространяются не только на операторов персональных данных, но и на «обработчиков» — лиц, обрабатывающих персональные данные по поручению (например, облачные сервисы, сервисы кадрового документооборота). Поправки предусматривают прямой запрет на сбор данных через зарубежные базы: любое использование зарубежных баз данных для сбора персональных данных граждан России будет запрещено. Это означает, что, например, использование Google Analytics или других американских сервисов аналитики нарушит закон, если они обрабатывают данные российских пользователей.

Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», вступивший в силу 1 июля 2025 года, ввел процедуру рассмотрения дел об административных правонарушениях в электронном виде. Это позволяет:

- подавать заявления, жалобы, протесты и иные документы онлайн через «Госуслуги», региональные порталы, судебные информационные системы или ЭДО;
- участвовать в разбирательствах через видеоконференцию или веб-сервис с подтверждением личности через Единую систему идентификации и аутентификации или биометрическую систему;
- получать извещения, повестки и постановления в электронном виде.

30 июня 2025 года Правительством РФ принято Постановление № 980 [4], которое утверждает новое положение о порядке подачи документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде. Значение этого нормативного акта в том, что он унифицирует порядок направления процессуальных документов в электронном виде, устраняя ранее существовавшие разночтения между техническими возможностями региональных и федеральных органов. Кроме того, Постановление закладывает правовую основу для постепенного отказа от бумажного документооборота: при регистрации в системах или активации личного кабинета пользователь фактически вступает в электронный процесс, что упрощает участие в электронном производстве.

Это создает спрос на LegalTech-решения для поддержки электронного взаимодействия как для юридических фирм, так и для корпоративных юридических отделов.

Федеральный закон от 22.11.2021 № 377-ФЗ [5] внес поправки в Трудовой кодекс, разрешив вести кадровую документацию в электронном виде. Определены виды электронных подписей: КЭП (квалифицированная электронная подпись) и НЭП (неквалифицированная электронная подпись) для работодателей; ПЭП (простая электронная подпись) для сотрудников. Это расширяет сферу цифровизации на кадровые процессы, создавая дополнительный спрос на решения управления человеческими ресурсами.

Сбербанк является одним из крупнейших пользователей LegalTech на российском рынке. Компания имеет многолетний опыт цифровизации юридической функции, начиная с 2011 года, когда был внедрен сервис автоматической маршрутизации запросов [6].

Сбербанк запустил большую языковую модель GigaChat [7], которая прошла успешное

тестирование на соответствие стандартам юридического образования. «Робот-юрист» Сбербанка обрабатывает 90% всех судебных дел, в основном в процедуре приказного производства, и занимается подготовкой правовых заключений. Производительность системы: если обычному юристу требуется один час на подготовку документа, программе требуется всего 30 секунд [8].

Яндекс запустил «Нейроюриста» — интеллектуального помощника, созданного на базе языковой модели Alice AI LLM. Согласно исследованиям Яндекса, до 70% рабочего времени юристов уходит на рутинные операции, которые могут быть автоматизированы [9].

Таким образом традиционная роль юриста претерпевает существенное изменение. Согласно прогнозам экспертов, искусственный интеллект будет анализировать дела, прогнозировать позиции судей и формировать первичные документы [10].

Вместе с тем юристы обладают уникальными навыками, которые ИИ не сможет полностью заменить, поскольку они требуют человеческого опыта, эмпатии и этического суждения. В эпоху ИИ конкурентоспособность строится на симбиозе технологий и человеческих качеств. Критическое мышление и интерпретация нюансов права остаются прерогативой человека. ИИ превосходит в обработке данных, но не учитывает контекстные, культурные или этические аспекты дел, требующие глубокого понимания человеческих мотивов.

Использование ИИ в юридической профессии допустимо в значительной степени для рутинных задач, но требует строгого контроля из-за ограниченной предсказуемости и потенциальных рисков безопасности. Юрист отвечает за ошибку ИИ как за свою, по нормам профессиональной этики и ГК РФ (ст. 1064 ГК РФ), что подчеркивает необходимость верификации всех выводов.

ИИ допустим только как вспомогательный инструмент, используемый для анализа судебных решений, выявления противоречий в практике и составления проектов документов в делах, таких как, например, приказное производство.

Правовое регулирование цифровизации юридических услуг сталкивается с рядом проблем, обусловленных быстрым развитием технологий, необходимостью адаптации законодательства и спецификой профессиональной деятельности юристов. Эти проблемы затрагивают как технические, так и институциональные аспекты, требуя комплексного подхода к их решению и предполагая тесное сотрудничество между юристами, инженерами, IT-специалистами и бизнес-стратегами.

Цифровизация требует уточнения базовых категорий, таких как «цифровые права», «элек-

тронные юридические услуги» и «цифровые объекты гражданских прав». Абстрактные дефиниции в Гражданском кодексе РФ не охватывают новые феномены, вроде больших данных (Big Data) или алгоритмов ИИ, что порождает неопределенность в квалификации отношений. Это затрудняет применение норм к онлайн-консультациям, смарт-контрактам и электронному документообороту в юриспруденции [11].

Существующие нормы о защите прав потребителей неэффективны для цифровых споров, включая электронные договоры и финансовые услуги, из-за слабо развитой судебной практики.

Примеры судебной практики в сфере цифровизации юридических услуг чаще всего встречаются как споры об оказании (консультационных/юридических) услуг, где ключевыми становятся электронные доказательства, дистанционное заключение договора и подтверждение факта оказания услуг.

Суды принимают электронную переписку (e-mail, иногда мессенджеры) как письменное доказательство, если можно установить принадлежность адресов и полномочия лиц, ведущих переписку, а также связать переписку с предметом договора/оказанием услуг. Эта линия подтверждается разъяснениями о необходимости идентификации отправителя/получателя (в т.ч. через оценку полномочий представителя) и общей оценке переписки в совокупности с иными доказательствами. В качестве примеров можно привести, в частности, постановление АС Московского округа от 14.10.2019 № Ф05-388/2019 по делу № А41-36852/2018 [12] и постановление АС Северо-Западного округа от 27.09.2019 № Ф07-9864/2019 по делу № А56-112073/2018 [12] (в контексте нотариального удостоверения переписки).

Встречается подход, согласно которому отсутствие нотариального удостоверения переписки само по себе не делает ее недопустимой, если достоверность может быть подтверждена иными обстоятельствами (например, совпадением адресов, контекстом исполнения договора, приложенными файлами, последующими действиями сторон). В качестве примеров такого подхода следует упомянуть постановления Арбитражного суда Московского округа от 22.11.2024 N Ф05-25571/2024 по делу N А40-34173/2024 и Арбитражного суда Поволжского округа от 03.07.2025 N Ф06-11608/2023 по делу N А65-894/2021 [12]. Для споров по «цифровым» юридическим услугам это важно, потому что значительная часть взаимодействия (ТЗ, правки документов, согласования позиции) происходит исключительно онлайн.

Когда другая сторона оспаривает переписку/скриншоты, на практике используется нотариальный протокол осмотра доказательств (стра-

ниц, писем, вложений) как способ подтвердить содержание и реквизиты электронных материалов. При этом суды по-разному оценивают необходимость такого протокола: в одних делах нотариальное удостоверение усиливает позицию стороны, в других — суд считает достаточными иные подтверждения, поскольку прямой обязанности нотариального удостоверения законом не установлено. В научных работах этот блок обычно описывают как проблему стандарта допустимости/достоверности электронных доказательств в “дистанционных” услугах.

В настоящее время регулирование электронного документооборота (ЭДО) и цифровых технологий в юридической сфере осуществляется разрозненными нормативными актами, что создаёт правовую неопределённость. Например, хотя Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «Об электронной подписи» устанавливает виды электронных подписей и их юридическую силу, а Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет понятие электронного документа, эти акты не охватывают все аспекты цифровизации юридических услуг. Отсутствуют единые стандарты для платформ, предоставляющих юридические услуги онлайн, что затрудняет контроль за их деятельностью и защитой прав клиентов.

Одной из центральных дилемм является распределение ответственности за ущерб, причиненный алгоритмами ИИ [13] в юридическом консалтинге или автоматизированном судопроизводстве, где традиционные институты вины и причинно-следственной связи неприменимы. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» не адаптирован к big data и машинному обучению, что провоцирует нарушения конфиденциальности в онлайн-услугах.

Рынок юридических услуг в цифровой среде включает платформы, где юристы-фрилансеры оказывают услуги дистанционно. Однако такое направление законодательно не урегулировано: при регистрации на интернет-площадках не требуется подтверждать юридическое образование, отсутствует контроль за качеством услуг и специализацией исполнителей. Это повышает риски для клиентов и снижает доверие к таким сервисам.

Следует также отметить, что многие юристы, особенно старшего поколения, испытывают трудности с освоением цифровых инструментов. Это связано с консервативностью профессии, отсутствием систем подготовки «цифровых юристов» и необходимостью адаптации к новым фор-

матам работы. В результате возникает разрыв между технологическими возможностями и навыками специалистов.

Вывод. Цифровая трансформация рынка юридических услуг в России уже не вопрос будущего — она является настоящим. Вопрос для участников рынка состоит не в том, трансформироваться ли, а в том, как трансформироваться стратегически, ответственно и в соответствии с российской спецификой. Основные проблемы правового регулирования цифровизации юридических услуг связаны с фрагментарностью законодательства [14], отсутствием стандартов для онлайн-платформ, вопросами идентификации, безопасности данных, подготовкой кадров, спецификой доверительных отношений в цифровом формате, использованием новых технологий, трансграничным взаимодействием и адаптацией процессуальных норм. Для их решения требуется системное обновление законодательства, разработка междисциплинарных подходов и международное сотрудничество.

Список литературы:

- [1] Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2023. 672 с.
- [2] Сайт: <https://rg.ru/2020/10/09/fns-lidiruet-v-gossektore-rf-po-vnedreniiu-legaltech.html?ysclid=mkpdotb38j378189760>
- [3] «Российская газета», N 47, 05.03.2025
- [4] «Собрание законодательства РФ», 07.07.2025, N 27, ст. 3752
- [5] «Российская газета», N 266, 24.11.2021
- [6] Сайт: <https://pravo.ru/lf/story/253772/?ysclid=mkp89wxa44855652355>
- [7] Сайт: https://giga.chat/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=gigachat_person_perform_frk_202402050004_rk1543040gr40630_context_search_brand_rus_aon%7C107076666&utm_content=cid%7C107076666%7Cgid%7C5398027182%7Cad%7C15810090307_15810090307%7Cph_id%7C50375112678%7Csrc%7Cnone_search%7Cgeo%7CЧеповец_968%7C&utm_term=гигачат+сбербанк&etext=2202.jbRDeppvwkWlopi21i_zWk_ofLAa10rfs5wZAKRK-jhT9RqbDV_xi3mWrZVqNf09vjKGkewuOay3e5QQv-jcJ_aGp0d3BkcWV0eXRwb2VidXc.e5ff309e58907a80f36e0580b7c9640317bc8278&yclid=3580222923040882687
- [8] Сайт: <https://sber.pro/publication/robot-iurist-kak-sekonomit-rabochee-vremia-kvalifitsirovannykh-sotrudnikov/?ysclid=mkp8fnkhlb-672136083>

[9] Сайт: https://neurolegal.ya.ru/c/about?utm_source=yandex&utm_medium=search&utm_campaign=Search_Brand_Neiroyurist&utm_content=none&utm_term=---autotargeting&etext=2202.iyMwc3cbcfcmSm8WVn6tk9uu-JG0XT5aA46ioPHXv9xAAcyDCjv-6bskwRFDvmOG-taHBhbmZmZ3hmZmF1d3llbw.e2cc09c97242036f7f4f72c9a15fc0737cbbba81&yclid=15666994954876223487

[10] Сайт: <https://legalacademy.ru/sphere/post/prognoziruem-hod-dela-kak-ii-pomogaet-advokatam-ocenivat-riski-i-vyigryvat-sudy?ysclid=mkpeit5gyz522356634>

[11] Подузова Е.Б. Киберделикт, совершенный посредством применения смарт-контракта: проблемы нотариального обеспечения доказательств // Нотариальный вестник. 2025. N 5. С. 40 - 48.

[12] Документ предоставлен Консультант-Плюс

[13] Василевская Л.Ю. Возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом: проблемы и направления развития законодательства // Хозяйство и право. 2025. N 7. С. 4.

[14] Суханов Е.А. О гражданско-правовых проблемах цифровизации // Вестник гражданского процесса. 2025. N 1. С. 37 - 52.

References:

[1] Convergence of private law regulation of public relations through the prism of the effectiveness of law: monograph/K.A. Abdullaev, A.V. Abramova, E.A. Abyzova et al.; resp. ed. A.N. Levushkin, E.Kh. Nadyseva. M.: Justicinform, 2023. 672 p.

[2] Сайт: <https://rg.ru/2020/10/09/fns-lidiruettv-gossektore-rf-po-vnedreniiu-legaltech.html?ysclid=mkpdotb38j378189760>

[3] Rossiyskaya Gazeta, No. 47, 05.03.2025

[4] "Collection of Legislation of the Russian Federation," 07.07.2025, No. 27, Art. 3752

[5] Rossiyskaya Gazeta, No. 266, 24.11.2021

[6] Сайт: <https://pravo.ru/lf/story/253772/?ysclid=mkp89wxa44855652355>

[7] Сайт: https://giga.chat/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=gigachat_person_perform_frk_202402050004_rk1543040gr40630_context_search_brand_rus_aon-%7C107076666&utm_content=cid%7C107076666%7Cgid%7C5398027182%7Cad%7C15810090307_15810090307%7Cph_id%7C50375112678%7Cs-rc%7Cnone_search%7Cgeo%7CЧереповец_968%7C&utm_term=гигачат+сбербанк&etext=2202.jbRDeppvwkWlopi21i_zWk_ofLAa10rfs5wZAKRK-jhT9RqbDV_xi3mWrZVqNf09vjKGkewuOay3e5QQv-jcJ_aGp0d3BkcWV0eXRwb2VidXc.e5ff309e58907a80f36e0580b7c9640317bc8278&yclid=3580222923040882687

[8] Сайт: <https://sber.pro/publication/robot-iurist-kak-sekonomit-rabochee-vremia-kvalifitsirovannykh-sotrudnikov/?ysclid=mkp8fnkhlb672136083>

[9] Сайт: https://neurolegal.ya.ru/c/about?utm_source=yandex&utm_medium=search&utm_campaign=Search_Brand_Neiroyurist&utm_content=none&utm_term=---autotargeting&etext=2202.iyMwc3cbcfcmSm8WVn6tk9uu-JG0XT5aA46ioPHXv9xAAcyDCjv-6bskwRFDvmOG-taHBhbmZmZ3hmZmF1d3llbw.e2cc09c97242036f7f4f72c9a15fc0737cbbba81&yclid=15666994954876223487

[10] Сайт: <https://legalacademy.ru/sphere/post/prognoziruem-hod-dela-kak-ii-pomogaet-advokatam-ocenivat-riski-i-vyigryvat-sudy?ysclid=mkpeit5gyz522356634>

[11] Poduzova E.B. Cyberdelict committed through the use of a smart contract: problems of notarial evidence//Notarial Bulletin. 2025. N 5. S. 40-48.

[12] Document provided by ConsultantPlus

[13] Vasilevskaya L.Yu. Compensation for harm caused by artificial intelligence: problems and directions for the development of legislation//Economy and law. 2025. N 7. S.4.

[14] Sukhanov E.A. On civil law problems of digitalization//Bulletin of the civil process. 2025. N 1. S. 37-52

